

УДК 82-822 (571.1/.5)

Е. А. Макарова

Томский государственный университет

**Формирование регионального
литературно-художественного сборника
в литературно-издательской ситуации Сибири
конца XVIII – начала XIX века**

Рассматривается жанр литературно-художественного сборника в аспекте формирования литературной и издательской ситуации в Сибири. Первые журнальные проекты П. Сумарокова и Г. Спасского уже несут черты сборника краеведческого типа при постепенном формировании авторского корпуса, сибирских тем и мотивов. Анализ сборников ведется в русле книговедческого направления, весьма плодотворно развивающегося в последние годы в филологии. В этом плане исследуются не только содержательные и эстетические компоненты текста, но соотношение текста и паратекста.

Ключевые слова: Сибирь, сборник, издатель, текст, паратекст, культурный трансфер.

Литературно-художественный сборник в филологической науке определяется как вид книжного издания, предметом которого является литературно-художественное произведение как часть всеобщего, целостного результата литературно-художественного общения. Данный вид литературно-художественных книжных изданий имеет две основные разновидности: авторский и коллективный сборники. Они имеют настолько характерные отличия от авторских, что даже получили специальные названия: альманахи, антологии, хрестоматии. Материалом для данного исследования стал этап зарождения такого рода изданий, имеющих общую типологическую, но и специфическую акцентировку по отношению к понятию «региональный сборник».

Анализ сборников ведется в русле книговедческого направления, весьма плодотворно развивающегося в последние годы в филологии. Сама методика работы ведет к тому, что исследуются не просто содержательные и эстетические компоненты текста, но соотношение текста и паратекста. Поэтому начиная с самой структуры сборника, обращения редактора, введения (либо предисловия) составителя, справочного аппарата (сносок, комментарий), иллюстративного материала,

Макарова Елена Антониновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования филологического факультета Томского государственного университета (пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия; elena_mak2004@mail.ru)

Сибирский филологический журнал. 2015. № 1
© Е. А. Макарова, 2015

органично сопровождающих текст, общей структуры сборника ярче проявляется и его концепция, обуславливающая динамику отношений текста и читателя.

Авторитетных исследований по сибирской литературе и культуре на определенных этапах ее развития достаточно много (см.: [Азадовский, 1927; Трушкин, 1985; Казаркин, 2008]), но, на наш взгляд, для понимания ее специфики необходимо более целостное осмысление определенных литературных «срезов эпохи» в контексте развития регионального книгоиздательства, литературной и общественной жизни Сибири. Этому способствует привлечение не только литературного материала, но и памятных книжек, адрес-календарей, воспоминаний и автобиографий современников, материалов местной прессы и т. п. Все это в итоге формирует базу для более глубокого представления о своеобразии литературного процесса, различных видов изданий и их типологической соотношенности по отношению к процессам общерусским.

Специфика нарождающегося книгоиздательского дела в Сибири заключалась в том, что, в отличие от русско-европейского варианта, оно изначально развивалось в частном порядке. Попытка создания своей издательской и полиграфической базы в далеком регионе увенчалась успехом только к 90-м гг. XVIII в. в связи с указом «О вольных типографиях» Екатерины II от 15 января 1783 г. Характерно, что первыми сибирскими изданиями были не газеты, а журналы, по формату приближенные к сборнику. Зарождению их вида способствовала, с одной стороны, мощная сибирская летописная традиция, с другой – закономерный процесс, характерный для развивающегося книгоиздания в отдаленных от центра регионах в означенный период.

Первым книжным центром Сибири, как известно, стал Тобольск благодаря деятельности братьев Корнильевых, организовавших здесь в конце XVIII в. первую частную типографию, и издательской инициативе ссыльного литератора П. П. Сумарокова, практически на несколько лет обеспечившего сибирский регион местной книжной продукцией. Три его журнала («Иртыш, превращающийся в Иппокрену»¹, «Журнал исторический, выбранный из разных книг», «Библиотека учная, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателя»), последовательно выходившие с 1789 по 1794 г., отличались достаточным разнообразием контента и широтой охвата материала.

Но закономерная ориентация местного издателя на столичные издания повлияла прежде всего на то, что в этих журналах практически никак не освещенной оказалась сама тема Сибири, история ее основания, природы и обычаев ее народов. Издания Сумарокова позиционировали себя как *журналы, созданные в Сибири*, но не как *журналы о Сибири*, что было естественно для издательской ситуации конца XVIII в., когда региональный компонент в книгоиздательском деле еще не был выделен. Тем не менее важной особенностью этих изданий было то, что они носили просветительский характер и становились по своей сущности регулятором процесса европеизации сибирской действительности, поэтому главной их задачей было воспитание читательских вкусов. В итоге можно утверждать, что, несмотря на размытость сибирской проблематики, в них уже проявились те общие черты, которые на много лет определили специфику сибирской литературно-издательской ситуации в целом.

В Отделе рукописей и книжных памятников (ОРКП) НБ ТГУ сохранились только две книжки и неполные комплекты журнала Сумарокова «*Иртыш, пре-*

¹ Иртыш, превращающийся в Иппокрену – ежемесячное сочинение, издаваемое от Тобольского главного народного училища. В Тобольске: В тип. у В. Корнильева. 1791. Месяц май. (Текст из сборников приводится по оригиналу с сохранением его орфографии и пунктуации, выделяется нами курсивом).

вращающийся в Иппокрену» за май – август 1891 г., но дающие основания для определения его своеобразия. Экземпляры этих журналов формата 13,5 × 22 сшиты единым блоком в конволют в полукожаном переплете². На титульном листе майского номера за 1791 г. приведен эпитафия из Державина: *«Развязывая ум и руки, / Велик любить торги, науки, / И счастье дома находить»*. На авантитуле указано: *«С дозволения Управы Благочиния»*. В оглавлении значатся тексты из античных авторов, переводы с французского и немецкого научного характера, различного рода исторические известия, эпитафии постоянной сотрудницы журнала Натальи Сумароковой, произведения самого Панкратия Сумарокова, подписанные криптонимом «П.С.», биографии выдающихся деятелей и т. п.

Крайне интересными в информативном и художественном плане представляются публикации прозы и стихов, а также переводов с немецкого, французского и итальянского языков автора, скрывавшегося под криптонимом «Г.Ф.», имя и личность которого оставались нераскрытыми более двухсот лет. Благодаря архивным разысканиям современным исследователям удалось доказать, что им являлся председатель палаты уголовного суда Тобольского наместничества Георгий Фриз (или иначе – Фризе) [Сенников, Рожкова, 1984]. При просмотре сохранившихся экземпляров журналов обнаружилось, что практически все переводы, подписанные криптонимом «Г.Ф.», однотипны по своему названию и чаще всего фиксируются в разделе *«Краткие исторические известия о...»*, с дальнейшей расшифровкой содержания.

В итоге подавляющее большинство материалов в журнале, и по количеству, и по объему, составляют переводы либо с указанием источника, языка оригинала и переводчика, либо без указания: такова была практика всей русской журналистики того времени. Важно помнить, что полное имя автора произведения или его переводчика в журналах этого периода было редкостью, оно не ставилось в оглавлении, а если и появлялось в конце статьи, то чаще всего использовались псевдонимы или криптонимы. В «Иртыше...» эти тенденции проявились крайне отчетливо. Таким образом, по оформлению данное издание представляет собой типичный журнал, но по внутреннему содержанию, характеру статей и художественных произведений уже больше напоминает альманах, приближенный к сборнику.

Первое же издание следующего проекта Сумарокова – *«Журнал исторический, выбранный из разных книг»* (1890) – прошло неудачно, и оно сразу прекратилось. Но важно, что по жанру исследователи называют журнал то *периодическим изданием*, то *сборником*, то *серией сборников* [Блюм, 1966, с. 167], что во многом отличает его от «Иртыша...» по типовидовому признаку и задает проблему уникальности вида сборника регионального типа. В начале своего формирования такого рода издания, как правило, в большинстве своем были связаны с канцелярской и статистической отчетностью; затем, со второй половины XIX в., получили отчетливое воплощение в виде универсального справочного издания краеведческого характера; и только на позднем этапе развития, на рубеже XIX–XX вв., подошли к собственному видовому и жанровому многообразию в виде тематических сборников, поэтических антологий, альманахов, хрестоматий и пр.

Следующий журнал Сумарокова, также приближенный к формату сборника, *«Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателя»* (1793–1794) отличался крайним разнообразием содержания. В нем были даже отдельные книжки

² Один из экземпляров сохранился в фондах НБ ТГУ в серии конволютов под названием «Сборники статей о Сибири и прилежащих к ней странах», составленных директором Томского реального училища, метеорологом, краеведом и библиофилом Г. К. Тюменцевым (см. Т. 62).

для крестьян, что представляло чисто сибирскую черту, так как в России специальных книг для так называемого «подлого» сословия не создавали.

Вместе с развитием культуры издания коллективных сборников начинается формирование и структуры паратекста, отражавшей различные стратегии издателей: эстетическую, рекламную, коммуникативную. Само понятие «паратекст», введенное литературным теоретиком Ж. Женеттом, связано с изданными литературными работами, которые служат основой для письменного текста. Паратекст включает элементы, в основном добавленные во время процесса дистрибуции редакторами, печатниками и издателями: название, предисловие / введение, иллюстрации, комментарии, выходные данные и т. п. Как правило, эта категория рассматривается в связи с рамочными компонентами в архитектонике печатного литературного текста. Несомненно, по отношению к периодическим изданиям конца XVIII в. такое понятие надо использовать с большой долей условности, но, на наш взгляд, оно вполне применимо в выявлении новых издательских практик в формирующемся книжном пространстве Сибири.

Сумароков, приступая к изданию «Библиотеки», печатает в августе, в № 69 за 1792 г. объявление в «Московских» и «Санкт-Петербургских ведомостях», носившее уже во многом рекламно-маркетинговый характер с явной установкой на читателя: *«В Тобольске, в Приказе Общественного Призрения принимается подписка на книгу под заглавием: “Ученая, Экономическая, Нравоучительная, Историческая и Увеселительная Библиотека, в пользу удовольствия обоюбого пола и всякого звания читателей”. Сия книга будет состоять из 12 частей; в каждой из оных будет до трехсот печатных страниц; для избежания же многим неприятной смеси, Издатель разделил всякую часть на пять особых статей и каждой из оных дал наименование, соответствующее содержащимся в ней материям <...> Подписка на сию книгу начнется со дня сего объявления, и продолжится по первое число Генваря будущего 1793 года, с которого особы, благоволившие подписаться, начнут получать каждый месяц по одной части до Генваря 1794 года <...> Цена подписная на все 12 частей в Тобольске десять рублей, а в других городах с пересылкою по почте пятнадцать рублей».* Таким образом, из первой публикации следовало, что «Библиотека» должна была выходить с 1 января 1793 г. ежемесячно, по части или книжке, и окончиться в этом же году. Но это предположение не сбылось, так как издание в итоге выдавалось не ежемесячно, а раз в два месяца и закончилось не за один, а за два года.

Первый просмотренный нами экземпляр журнала за 1793 г. открывается обращением издателя *«Объявление почтеннейшей публике»*, в котором очевидна установка на консолидацию автора сборника со своим читателем, во многом приближенным к массовому. По структуре текст последовательно делится на статьи «ученые», «экономические», «нравоучительные», «исторические», но не менее важной является и развлекательно-досуговая составляющая издания. Вот как, например, выглядит «Оглавление сочинений статьи увеселительной»: *«I. Любопытные анекдоты о лунатиках или сноходцах. Любопытные физические примечания на нравы животных. Плиний. Елиян. Острые слова. Постоянные любовники, справедливая повесть, сочиненная на данное содержание, которое есть следующее: “Должно, чтобы герой сей повести был сожжен, чтобы он утонул, чтобы ошелудивел, чтобы был повешен и потом женился бы на своей любовнице. Должно, чтобы героиня взбесилась, чтобы ее прогнали сквозь строй, и чтобы она выпрыгнула из окошка”. Математические и физические увеселения».* На последнем листе добавлен раздел *«Погрешности»*, что предвещает необходимую для профессионального издания рубрику *«Список опечаток»*. Несмотря на то что в этом издании становится очевидным резкое сужение круга участников и отсутствие единой концепции, все-таки проявляются и крайне важные новые принципы построения журнала, указывающие на попытку Сумарокова найти более удачный

формат. Это выразилось в отборе материалов, его рубрикации, оформлении издания, ориентированного на самые широкие читательские категории. Сказался здесь и поиск компромисса между различными читательскими интересами, которые издателю необходимо было учитывать, чтобы расширить круг подписчиков журнала.

Тем не менее, несмотря на разнообразие издательских стратегий, все эти издания имели очень короткую жизнь, что было связано с целым рядом обстоятельств идеологического, экономического, технического и стратегического характера. Главной же причиной в итоге стала недостаточная связь издания с жизнью края и проблема авторства, еще практически не решаемая в сибирском литературно-культурном процессе конца XVIII в.

Необходимо учитывать и специфику понятия «издательство» – «издатель» применительно к России этой поры, если помнить, что на изданиях Сумарокова стояло только имя братьев Корнильевых. По проявляющейся картине становится очевидным, что в русских книгах этого периода указание типографии было равносильно, а подчас и значимее указанию имени издателя, поскольку многие владельцы типографий были одновременно и издателями [Соболевская, 1991]. Таким образом, отсутствие единого издателя – одна из принципиальных особенностей литературно-книжного дела рубежа XVIII–XIX вв., что объясняется общими для всей страны процессами дифференциации и интеграции профессий писателя, издателя, типографа и редактора.

После прекращения деятельности типографии Корнильевых творческой, целенаправленный и относительно регулярный выпуск книг и журналов в крае надолго прекратился. Но сама проблематика первых сибирских журналов оказалась крайне значимой для постижения причин и условий становления литературно-исторического самосознания, характера сибиряка как культурно-исторического типа. Поэтому ее главного редактора, издателя и автора Сумарокова вполне можно рассматривать как представителя Сибири, прежде всего потому, что он принял участие в местной литературной жизни и в какой-то степени отразил свои сибирские впечатления в критических текстах и стихах.

Сама же литературная жизнь Сибири на рубеже XVIII–XIX вв. была развита еще крайне слабо, как и ее материальная база. Общая провинциальная отсталость, характерная для других регионов России, усиливалась отдаленностью от центров, несовершенством средств связи. Эти процессы усугублялись и сознательной политикой государства, позиционирующего Сибирь исключительно как колонию, а потому и ограничивающего развитие ее духовной жизни. Неслучайно в параллель официальным печатным книжным процессам продолжала свое развитие и рукописная книга.

Своеобразным «посттобольским синдромом» можно назвать уникальный рукописный литературный сборник «*Мои досуги*»³, хранящийся в единственном экземпляре в Отделе рукописей и книжных памятников НБ ТГУ, объем которого составляет 279 листов, написанных одним почерком.

Как указывает В. С. Киселев, в области прозы расслоение писателей на дилетантов и профессионалов обозначилось уже в XVIII в., поэтому чаще всего в сборники объединялись писатели-беллетристы «второго ряда». Адресованы были такие «ансамбли» «как элитарному, так и демократическому читателю и коммуникативного синкретизма не допускали: одни были призваны просвещать и наставлять, другие – развлекать. Закономерную популярность получили на рубеже XVIII–XIX вв. полижанровые сборники (“безделки”, “досуги”, “опыты”), причем с все более крупными и обобщенными разделами, редуцировавшими жанровые различия» [Киселев, 2004, с. 91]. Указанный нами сборник, несомненно,

³ ОРКП НБ ТГУ. В-808. 279 л.

несет в себе эти общие черты, хотя и представляет собой явление во многом эклектичное, если судить по истории его создания и принципам структурирования текста.

Эта книга без места и года издания впервые стала предметом научного описания сотрудника ОРКП НБ ТГУ Л. В. Никитиной, определившей примерную датировку издания по совокупности признаков – бумаги, чернил, почерка (скоропись первой четверти XIX в.), контента, характера помет и пр. Палеографические данные и даты, имеющиеся в сборнике, а также анализ литературного материала позволили ей отнести рукопись по времени создания к 1820–1825 гг., так как самое позднее включенное в него произведение – баллада И. И. Козлова «Сон невесты», созданная в 1824 г. и напечатанная впервые в альманахе «Полярная звезда» за 1825 г. По предположению исследователя, «составитель в течение ряда лет переписывал произведения полюбившихся ему авторов на отдельных листах бумаги, которая в данный момент имела под рукой. Впоследствии исписанные листы были объединены, пронумерованы и отданы в переплет» [Никитина, 1995, с. 39].

В итоге в составе сборника насчитывается более двухсот произведений отечественных писателей и поэтов конца XVIII – первой четверти XIX в. (Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, Д. П. Горчакова, А. Н. Нахимов, В. А. Жуковского и др.) Встречаются и списки произведений, запрещенных цензурой. В трех разделах рукописи последовательно представлены стихотворения наиболее популярных для начала 20-х гг. поэтов (при характерном отсутствии текстов Пушкина). Второй раздел имеет заглавие «Баллады. Басни и сказки» (сюда входят произведения И. И. Козлова, Н. Ф. Остолопова, А. Д. Илличевского), третий же носит название «Мелкие стихотворения, или Смесь», но почему-то отсутствует в оглавлении, данном на последних страницах рукописи. В этот раздел включены произведения харьковского поэта-сатирика Акима Нахимова, а также шарады, анаграммы и логографы вятского автора Ф. А. Слуткина.

По наблюдению В. А. Есиповой, достаточно характерным для данного издания является то, что, помимо произведений широко известных авторов, «в сборнике имеются и списки текстов поэтов и писателей из различных провинциальных городов, публиковавшихся мало, либо вовсе не попадавших в печать и распространявшихся преимущественно в рукописных списках» [2014, с. 355]. Обнаруживаются здесь и тексты сибирских авторов – П. П. Сумарокова, П. А. Словцова. Таким образом, география провинциальных авторов, представленных в сборнике, довольно широка, но в целом она тяготеет к югу Западной Сибири и Южному Уралу.

И это принципиально, поскольку достаточно долго было принято считать, что сборник поступил в НБ ТГУ с библиотекой князей Голицыных. Но, по версии Есиповой, гораздо вероятнее его происхождение из какой-либо сибирской библиотеки, что подтверждает и штампель на листах 1, 17, напоминающий штампель «Музея библиотековедения» [Там же, с. 357]. И если учесть, что в Сибири долгое время продолжали бытовать, в отличие от русско-европейского региона, рукописные сочинения – научные, литературные, учебные, религиозные, то это тоже становится важной приметой сибирской издательской практики, так как рукописная книга практически всегда имела функцию первичной фиксации результатов творческого процесса в регионе, и происходило это в самых разных социальных слоях.

16 сентября 1796 г. выходит Указ Екатерины II о закрытии «вольных типографий», и тобольское «культурное гнездо» начинает терять свое значение, что приводит к длительному перерыву в развитии сибирского книгоиздания. Таким образом, на несколько десятилетий книжная жизнь в Сибири практически останавливается, хотя остаются главные тенденции к ее развитию. Выход был найден

в сотрудничестве с российскими издателями, заинтересованными в сибирской тематике, активно востребованной эпохой романтизма с ее пристрастием к экзотике, эстетике героического, обращенностью к миру «диких» народов, их фольклора, к этнографии.

Общая проблематика, задающаяся самой концепцией сибирских изданий и изданий о Сибири, постепенно ведет к выработке стратегий межкультурного диалога, нарастающему взаимодействию культурных импульсов центра и периферии и его отражению в параллельно развивающихся потоках – русско-европейском и сибирском. В связи с этим описание и анализ интересующих нас изданий видится в аспекте одной из самых актуальных и востребованных на сегодняшний день категорий культурного трансфера, относительно нового исследовательского аспекта, получившего в последние годы достаточно широкое развитие в области гуманитарных наук.

В этом плане диалогическая ситуация между периферией и центром выразилась в том, что образовавшаяся ниша в книжном деле Сибири первой трети XIX в. заняли журнальные издания Григория Спасского, выходившие в Петербурге, но главной проблематикой имевшие темы далеких восточных окраин. Сам Спасский, просветитель, ученый и собиратель сибирских древностей, служил в Сибири с 1805 по 1817 г. За это время им были собраны обширные материалы по различным отраслям сибиреведения, явившиеся результатом его напряженной исследовательской работы. В итоге прекрасно знающий Сибирь и увлеченный ею Спасский решает для ознакомления публики с собранными им материалами издавать журнал *«Сибирский вестник»* (1818–1825) в соиздательстве с В. В. Дмитриевым, позже переименованный в *«Азиатский вестник»* (1825–1827). Такая смена номинации издания, вероятно, было обусловлена самим характером материала, который был более обширным и разнообразным, так как в основной его состав входили статьи, очерки и переводы, относящиеся к Центральной и Юго-Восточной Азии.

Необходимо помнить, что в русской культуре журнал получил типовидовое закрепление только к середине XIX в. Его промежуточными вариантами до этого периода были научные сборники, возникшие в формате академических журналов XVIII в., повременные сборники, сформированные по тематическому принципу или по принадлежности авторов к определенному кружку. Сами издатели-авторы были, как правило, писателями-дилетантами, не преследующими коммерческих целей и имевшими крайне ограниченную аудиторию, что соотносимо и с феноменом Спасского.

Характерной особенностью *журнала «Сибирский вестник»*, во многом воплощающего черты *сборника*, стал его подчеркнута научно-познавательный и просветительский характер с преобладанием научно-прагматического стиля. Литературные же отделы практически отсутствовали, хотя иногда можно встретить критические материалы. Очевидно, что большое место в журнале уделено проблеме истории Сибири и ее природных богатств; крайне актуальной становится проблема инородцев, аборигенов, русских старожилов, ведущая к выработке понятия типа сибиряка. В контент издания входят и другие материалы краеведческого характера: путешествия, этнографические описания, сибирские летописи и т. п. В этом плане очень важным является уточнение А. С. Янушкевича по типовидовой классификации журнала, определяющего его как *«первое специализированное издание научного типа»* [1989, с. 24].

Показательным с точки зрения издательских стратегий является последний номер *«Сибирского вестника»* за 1825 г. В рубрике *«Смесь»* дается *«Краткое обозрение статей, помещенных в Сибирском Вестнике с 1818 по 1825 г.»*, расположенных не по алфавиту, а по разделам, что, несомненно, упрощает навигацию издания с учетом читательских интересов и проявляет ситуацию подведения ито-

гов, что, как правило, воплощается в таком виде издания, как «*итоговый сборник*». Важно, что в обращении Спасского к своему читателю обнаруживаются и характерные приметы времени: трагическое наводнение в Петербурге в ноябре 1824 г., результаты полемики издателя с критиками, объяснение по поводу смены формата и названия журнала, что выводит уже на совершенно иной профессиональный и коммуникативный уровень диалог издателя-редактора и читателя.

Характерным остается и то, что большинство статей и публикаций в сборнике, как правило, печатаются без подписи или под криптонимом, что отражает традиции предыдущих этапов развития литературы и издательских практик, когда большое число книг издавалось анонимно, а авторское право только начало формироваться (см. об этом: [Рейтблат, 1986]). Юридически же оно было закреплено в России лишь в Цензурном уставе 1828 г. Важно, что читатели, а подчас и сами литераторы, большее внимание уделяли содержанию, нежели личности автора. Поэтому в сборниках коллективного типа статьи печатались, как правило, без подписи, поскольку в этом проявлялось отражение позиции издания, а не личного мнения автора.

В итоге издания Спасского восполнили важный для местного книгоиздания пробел. Они открывали новые материалы по истории Сибири, утверждали ее самостоятельность, несли явный просветительский характер, вели активную работу с читателем, демонстрировали эволюцию формата издания и т. п. Не менее важным итогом культуртрегерской деятельности столичного издателя стало и то, что сибирская тема начала уверенно входить в общую проблематику российской словесности первой трети XIX в., а также стимулировать местные литературные силы. Само по себе создание этих текстов является показателем формирования в регионе авторского корпуса, независимо от того, где и как их тексты печатались – в регионе или за его пределами.

Таким образом, первый этап сибирского книгоиздания был связан с формированием различных видов изданий с явной просветительской направленностью, что способствовало развитию как личностного (писательского и читательского), так и регионального подхода. Характерное для этого периода переплетение нравственно-дидактической, гуманитарной, социально-исторической и социально-эстетической составляющих выразится в поисках и формировании особого типа сибирского самосознания, а также в различных вариантах книжных практик и издательских воплощений. В самой же литературе наметится значимый поворот в сторону местной проблематики в связи с культурным пробуждением края и первые попытки выражения регионального самосознания, что придаст сборникам явный *научно-краеведческий* акцент. Но реализация этих тенденций будет происходить уже на следующем «срезе эпохи» региональной словесности и книжности. Их отслеживание станет следующим шагом в нашем исследовании.

Список литературы

Азадовский М. К. Сибирь в русской художественной литературе (Опыт библиографического указателя). Иркутск, 1927.

Казаркин А. П. Вехи литературной жизни Томска // Томские писатели. Томск, 2008. С. 7–33.

Трушкин В. П. Пути и судьбы. Литературная жизнь Сибири 1900–1917 гг. Иркутск, 1985.

Сенников Г. И., Рожкова Т. И. Загадка «Г.Ф.» (К проблеме литературного направления «Иртыша») // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1984. С. 129–135.

Блюм А. «Исторический журнал» Дмитрия Корнильева // Сибирские огни. 1966. № 4.

Соболевская Т. Н. Проблема издателя в деятельности Тобольской типографии Корнильевых // Вторые Макушинские чтения. Томск, 1991. С. 26–29.

Киселев В.С. Статьи по теории и истории метатекста (на материале русской прозы конца XVIII – первой трети XIX века). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.

Никитина Л. В. Рукописный литературный сборник первой четверти XIX в. из книжного собрания князей Голицыных в фонде НБ ТГУ // Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск, 1995. Вып. 2. С. 38–61.

Есипова В. А. Читатель и книга. Читательские интересы томичей и сибиряков по материалам рукописной книги // Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014.

Янушкевич А. С. Особенности сибирской краеведческой критики 1810–1830-х гг. // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. Новосибирск, 1989.

Рейтблат А. И. Из истории редакторской профессии в России // Редактор и книга. М., 1986. Вып. 10. С. 108–123.

Е. А. Makarova

**The development of the regional literary
and art miscellany in literary and publishing situation of Siberia
in the end of XVIII – beginning of XIX century**

The article reviews a genre of literary and art miscellany during the development of literary and publishing situation in Siberia in the end of XVIII – beginning of XIX century. The first journal projects of P. Sumarokov and G. Spasskiy possess features of miscellany of the regional type, gradually developing authors part, Siberian themes and motives. The miscellany analyses is carried out in the tideway of bibliological area of focus, actively developing in philology in recent years. Not only plot and aesthetic text components, but also the correlation of text and paratext are analyzed from this point of view.

Keywords: Siberia, miscellany, editor, text, paratext, cultural transfer.